

Почти пятьдесят лет отдал Евгений Матвеев отечественному искусству. Приехав в Москву из глубинки, он довольно быстро стал признанным актером и режиссером. На его ролях и фильмах выросло не одно поколение зрителей, он был обласкан и народной любовью, и официальным признанием. Но времена меняются, и после пятого съезда кинематографистов Матвеев был записан в адепты официального советского искусства, в «застойщики». С этим клеймом он прожил не один год. И только недавно состоялась его, так сказать, общественная «реабилитация»: Матвеев снова снимает кино. Как человек колоритный, самобытный, он снова — желанный гость редакций. По нашему приглашению похваливал Евгений Семенович и в «Труд», где после просмотра его картины «Любить по-русски» состоялся этот живой, искренний разговор.

— Евгений Семенович, расскажите для начала, как вы пережили трудные для вас годы?

— Не скрою, пятый съезд кинематографистов вверг меня поистине в шоковое состояние. Когда люди, годами носившие, простите за грубый образ, дулю в кармане, вдруг получили возможность принародно показать ее с трибуны, когда крикуны и горлопаны стали улюлюкать сидевшим в президиуме ветеранам советского кино, я решил, что наше сообщество свихнулось. И сам чуть не сошел с ума от непристойности происходящего. Более того, позже у меня возникали даже мысли о самоубийстве — таким крайним образом я хотел протестовать против насилия над личностью, которую, кстати говоря, я не испытывал даже в тоталитарные времена.

Да, я, как и многие деятели кино, чувствовал идеологический пресс, но одна моя картина не миновала цензурных ограничений, да и внутренний редактор прочно сидел у меня в подкорке, но я вырос в этих условиях и считал их нормальными, естественными. А вот неестественная, нечеловеческая злоба «прорабов перестройки», которые, к слову говоря, за десять последних лет не сняли ни одной приличной картины, не написали ни одной стоящей книги, меня буквально убила. Я замкнулся в себе, стал нелюдимым.

В это время издательство «Молодая гвардия» предложило мне написать книгу. Никогда писательским трудом не занимался, а тут сердце рванулось к перу. Писал ночами напролет, так что рука к утру отваливалась. Думал, это будет мое творческое завещание, что ли. Сочинил страниц 350, вез рукопись на перепечатку, но по трагическому стечению обстоятельств мое сочинение украл.

Это был еще один удар. Как я пережил эти напасти — до сих пор не знаю. Наверное, спасли домашние, которые не лезли с лишними расспросами, не надоедали показным сочувствием, а искренним состраданием убергли от неразумных шагов. Постепенно меня начали приглашать на конференции, совещания, фестивали, душа стала потихоньку оттаивать. Я вновь ощутил необходимость говорить.

А подтолкнул меня к мысли о том, что я не имею права молчать, такой житейский эпизод. В магазин, где стояла многочасовая очередь (это были голодные времена на исходе горбачевской перестройки), с гиком, свистом ворвалась компания молодых людей и со словами «молодым везде у нас дорога» стала нагло продираться к прилавку. Я на экране играю мужественных, смелых людей, а тут опешил от чужого нахрапа. Стоявший впереди меня седой человек попробовал урезонить хулиганов, на что один из них глумливо крикнул: «Эй ты, застойник, постоишь, тебе не привыкать». Очередь онемела от возмущения. И в этой тишине вдруг стало слышно, как мой сосед негромко ответил: «Спасибо, сынок, спасибо!» — и, переминаясь с ноги на ногу, скрипнул протезом.

Этот скрип до сих пор стоит в моем сердце. Я понял, что должен защитить поколение, которое воевало, строило, вновь воевало, вновь отстраивало, надрывалось, увечилось, а на закате жизни вдруг было предано проклятиям и на высоких съездах, и в магазинных очередях. С этими настроениями я и вернулся в кино.

— Как возник замысел вашей последней картины, вокруг которой сегодня столько разговоров, споров?

— Идея принадлежала сценаристу Валентину Черных, а я ее принял всем сердцем. Почему? У Льва Толстого есть простое и мудрое определение того, чем должно заниматься искусство. «Задача художника, — говорит писатель, — это взять от людей прекрасные, возвышенные чувства, пережить их в своем сердце и затем снова вернуть людям». Я всегда старался жить по этой заповеди. Что скрывать, нередко в моих картинах есть очевидный перебор по части пафоса, частенько я пережимаю в своем творчестве с восклицательными знаками, но идет это от искреннего желания заразить людей чистыми, светлыми чувствами.

Не мне вам рассказывать, какая грязь, метко названная народом «чернухой», хлынула на экраны с обретением свободы. Мы потеряли в кино человека, на плечах которого держится государство. Потеряли рабочего, крестьянина, учителя, врача, инженера... Ведь это были настоящие герои нашего кино еще десять лет назад. Куда они делись? А кем стала женщина на экране? Не объектом восхищенного поклонения, не средоточием добра и красоты, а, извините, реквизитом. Как я вот выпил сейчас стакан воды, так в фильмах «нового» кино женщину низвели до выполнения простой физиологической функции. Правильно ли это? Наш же фильм пытается вернуть на экраны простых людей, утвердить достоинство женщины, красоту высоких чувств.

— Но в вашем фильме тоже есть немало весьма откровенных сцен с обнаженными женщинами. Приходилось даже читать такую аннотацию к ленте: «Эротическая мелодрама»...

— Ну, это определение на совести видеопиратов, которые продают воровские копии и до которых мы еще доберемся с судебными исками... А что до откровенных, как вы говорите, сцен, то эротика эротике рознь. Я понял это, когда в Париже посетил домик-музей Родена и увидел его скульптуру «Ускользающая любовь». В безгрешной близости мрамора автор «Мыслителя» запечатлел на сей раз музыку, волнение, таинство страсти, причем сделал это очень чувственно и в то же время без малейшего намека на пошлость. Оттого скульптура рождает высокий восторг, а не низменную похотливость. Я не Роден, но мне тоже хотелось вызвать у зрителей восхищение женской красотой, наготой, — чище этого ничего в мире нет. Надеюсь, хоть в какой-то мере мне это удалось.

— Как вы сами оцениваете свою картину, поскольку реакция критики на нее очень разноречива?

— О картине я могу говорить только как о намерении, а не о безусловном художественном факте. Еще в молодости я прочитал у Михаила Ромма поразившую меня фразу, что если замы-

сел удастся реализовать хотя бы на сорок процентов, то это большое счастье. Я подумал тогда, что Михаил Ильич, автор шедевров, попросту кокетничает. Но, став режиссером, я понял, как он был прав. Ибо мне мои замыслы удается реализовывать разве только процентов на двадцать. И фильм «Любить по-русски» не исключение в этом ряду.

Чтобы вам была понятна моя мысль, приведу такой вроде бы частный пример. В сценарии был эпизод: после налета бандитов на ферму горят дом, ульи. Я видел после этого такой крупный план: один из героев берет на ладонь пчелу с

Евгений МАТВЕЕВ:

КАК ЛЮБИТЬ ПО-РУССКИ?

● Евгений МАТВЕЕВ в фильме «Любить по-русски».

обоженными крыльями, которая дергается в предсмертных конвульсиях. Представьте, какой это сильный эмоциональный удар! Но для съемок этого кадра нужен спецобъектив, который не потянет никакая смета. И я снял сцену обычным объективом. Чтобы спасти кадр, мы положили на ладонь герою не одну, а три пчелы, но на экране они, увы, обернулись тремя соринками. Получился пшик. И так раз за разом: нужна машина — ее нет, нужен кран — дорого стоит. В итоге — череда компромиссов, которые сказываются на фильме самым пагубным образом. Мне стыдно перед людьми: я, как базарная торговка, их обвесил, обворовал, не отдал то, что знаю, могу, умею.

Каково же было мое изумление, когда на премьере фильма в московском кинотеатре «Космос» люди буквально обречелись. Позже я сообразил: мы предложили им с экрана не связку экзотических, но приторных бананов, а кусок черного хлеба, который, как выяснилось, не приедается.

— Сейчас, как известно, вы готовитесь снимать вторую серию картины. Расскажите об этом подробнее...

— На показах картины в Москве и в провинции люди кричали в один голос: «Спасибо!», «Необходимо продолжить». Я загорелся. Но где взять деньги? И люди сказали: поможем всем миром. Так родилась мысль продлить жизнь героев фильма, снять народное кино на народные деньги. Эту акцию поддержало Роскино, был сформирован совет попечителей, в который вошли такие известные люди, как артисты Георгий Жженов и Зинаида Кириенко, офтальмолог Святослав Федоров, космонавт Георгий Гречко, директор завода имени Ухтомского (это наш главный спонсор) Александр Гугулашвили. Сердечное спасибо и «Труду», который с первых шагов поддержал наш проект. Теперь не пропадем!

Сейчас Валентин Черных пишет продолжение фильма, а люди помогают нам — кто трудовым рублем, кто добрым советом: присылают на «Мосфильм» свои варианты развития событий во второй части фильма, частушки, часть из которых мы обязательно используем в картине.

— Попытка сделать «народное кино» диктовала вам и простой, доходчивый киноязык. Но не обобщается ли порой желание понравиться зрителю некоторой упрощенностью сюжетных коллизий, характеров?

— Вы задали очень важный, принципиальный для меня вопрос. Я категорически не приемлю снобистского отношения к зрителю: мол, меня сегодня не понимают, поймут завтра. Не поймут! Даже великий Сергей Эйзенштейн — и тот познал на своей судьбе эту закономерность. Когда в 1927 году он поставил «Октябрь», то зрители фильм не приняли из-за монтажных изысков. Думалось, поймут позже. Но когда Григорий Александров в 1967 году восстановил картину, то ее подавно не стали смотреть: кино за сорок лет стремительно изменилось, ушло вперед. И «Октябрь» повис между эпохами.

Что касается меня, то я ишу самый короткий и самый простой путь к человеку. Пусть не обижается элита, но для меня мой зритель — это тетя Дуня и дядя Вася, которые живут в городках, деревеньках, поселках... Я снимаю для них, я хочу их утешить, им облегчить жизнь.

Вот вы здесь все люди умные, так скажите, почему вся страна прилипает к экрану телеviso-

ра, когда идет какая-нибудь «Рабыня Изаура»? Почему мои друзья, доктора наук, которых я приглашаю на день рождения, отвечают: «Женя, перенеси застолье на час, а то «Просто Марию» пропустим»? А потому, что с экрана с ними по-человечески разговаривают, без головомоек, стилизованных выкрутасов. Там зло называют злом, предательство — предательством, красоту — красотой. И обязательно в финале торжествует добро.

Вот отменили мы соцреализм, выбросили его за ненадобностью на помойку. И свалили, извините, дурака. Потому что соцреализм — это, если помните, правда жизни, показанная в революционном развитии и увенчанная оптимистичным звучанием произведения. Что в этом плохого? Да американцы по этим законам строят все свои фильмы и нас ими активно побивают в прокате. Мы же делаем картины, где одна только голая правда-матка, от которой удавиться хочется. Да не хочу я такой правды! В таком безжалостном количестве! Дайте мне свет, любовь, надежду. Вспоминаю «Судьбу человека» Сергея Бондарчука — моего любимого режиссера, которого я буквально боготворю. Какие страдания выпали

на долю героя фильма, сколько он всего пережил, но, когда я вышел с просмотра картины, во мне не только слезы закипали — мне жить хотелось, работать, горы сворачивать.

Я хочу, чтобы и мои картины воздействовали так. И стою на том, что для этого необходимо быть понятым и нужным сегодня, сейчас. А если что-то из созданного мной захотят пересмотреть, скажем, через десяток лет, то этому можно будет только порадоваться.

— Давайте поговорим и о политике. Время от времени мы видим свиту из деятелей культуры то при президенте, то при Черномырдине, то при лидере оппозиции Зюганове. Вас не видно нигде. Не зовут или не идете? А если поставить вопрос шире, то с какой политической партией, силой вы связываете свои надежды?

— А я создал собственную партию. ЖПСС называется. Расшифровывается это так: жить по собственной совести. Я единственный член этой партии. Я избрал себя ее генсеком. Я плачу себе членские взносы и сам на них гуляю. И девиз у моей партии подходящий: за реформы, но против бардака.

А если совсем серьезно, то почти пятьдесят лет я верой и правдой служил КПСС. Стоял в строю, как солдат. Всего четыре раза за всю жизнь в отпуске был — все остальное время с шефскими концертами-мотался то по целине, то по БАМу, то по воинским частям. И если меня награждали, то, поверьте, было за что. Но когда лидеры бросили мою партию, то я больше не могу ей верить. Когда сегодня компартий чуть ли не десяток, то я в них, простите, путаюсь. Когда «Выбор России», за который я голосовал, обещал одно, а результат получается другим, то я имею право изменить свой личный выбор. В результате я пришел к твердому убеждению: художник должен быть вне партий. Он может кому-то сочувствовать, симпатизировать, но связывать себя по рукам и ногам партийной дисциплиной не имеет права.

— Многие из тех, кто раньше держал древо красного знамени, сегодня в той же руке держат свечку. Скажите, каковы ныне ваши взаимоотношения с Богом, с церковью?

— В Бога я не верю. Судите меня, радите, но я был воспитан атеистом, а сегодня менять убеждения и трудно, и поздно. Правда, к церкви я всегда относился с благоговением, может, потому, что мой дедушка был церковным старостой. И когда, допустим, отвечал моего товарища, то я, как и все, держу в руке свечку, потому что, переступая порог церкви, надо вести себя по принятым здесь канонам. Но если ты сам Бога в душе не носишь, то, считаю, лицемерить грешно.

— Хотелось бы узнать немного о том, что именуют частной, личной жизнью артиста. Вы пережили трудные годы, мало снимались, сами ничего не снимали. На что жили?

— Одно время — на нищенскую пенсию. Как раз тогда меня попытались ограбить. Остановили в безлюдном месте, спросили: «Деньги есть?». «Какие деньги, — отвечаю. — Я пенсионер, артист». Повернулись и ушли, потому что даже грабители знают, что с артиста взять нечего. Эх, знали бы вы, сколько моего брата-актера ныне бедствует! Недавно умер один прославленный артист (не буду называть его имя, чтобы не оскорблять память о нем), так ходили с шапкой по кругу, чтобы похоронить по-людски.

Что касается меня, то я, слава Богу, сегодня востребован. Зовут на творческие вечера, встречи. Раньше это было бесплатное удовольствие, а сегодня спрашивают: «Сколько вы стоите?» В большинстве случаев договариваемся. Но это не значит, что я живу богато. Вот сегодня сын позвонил, попросил подкинуть полмиллиона на ремонт сгнившего дачного крылечка, так я долго думал и подсчитывал.

— И последний, легкомысленный вопрос... Известно, что вы снимали самых красивых актрис нашего кино: Коркошко, Хитяеву, Кириенко, Заклунную, Остроумову, Польских... Людская молва женила вас на них по очереди. А что было в действительности?

— А в действительности я через год приглашаю вас, журналистов «Труда», на золотую свадьбу с моей Лидочкой. Она — воистину золотая женщина. Ей столько звонили, писали, наущивали, а она мне верила. Это не значит, что я не увлеклся. Еще как увлеклся! Да и она однажды попросила: «Женя, помоги мне поменять работу». Как я потом понял, у нее намечался роман, и она решила его пресечь. И я ей помог в этом. И она мне не раз помогала. Это, наверное, и значит «любить по-русски».

Публикацию подготовил Леонид ПАВЛЮЧИК.